

НОВООТКРЫТЫЙ ТЕКСТ ИБН-ФАДЛАНА*

А. П. Ковалевский

Сложна и трудно доступна для исследования история Поволжья и Приуралья в первой половине десятого века. Местная письменность здесь едва зарождается, писатели же далеких культурных центров мусульманского мира и Византии сообщают об этих странах и народах лишь общие данные, так же как и памятники археологические, несмотря на многочисленность находок. Поэтому особую ценность представляет знаменитое сочинение Ахмеда Ибн-Фадлана о своем путешествии на Волгу с посольством халифа Аль-Муктадира к царю Булгара в 921—922 гг. Среди арабских источников по истории СССР, особенно такой ранней эпохи, оно занимает выдающееся, можно сказать, исключительное место. Это—рассказ очевидца, проникшего в эти отдаленные северные страны, человека умного, наблюдательного, не пропускающего часто даже мелочей, рассказ, в значительной своей части подкупающий непосредственной правдивостью.

До последнего времени произведение Ибн-Фадлана было известно не целиком, а лишь в отрывках, помещенных в «Географическом словаре» Якута (XIII в.), именно под следующими рубриками: 1) Итиль, 2) Башкиры, 3) Булгар, 4) Хазары, 5) Хорезм, 6) Русь и 7) Вису (Весь). Выписки эти, иногда довольно обширные, не давали, однако, возможности судить о целом сочинении, не говоря уже о том, что отдельные части Ибн-Фадлана, не вошедшие в словарь Якута, оставались совершенно неизвестными.

Быть может, именно эта фрагментарность текста явилась причиной того, что при наличии ряда отдельных работ об Ибн-Фадлане все же не было сделано ни одной попытки дать всеобъемлющее исследование или хотя бы общую сводку текстов и переводов. Несмотря на классические труды Х. Френа в начале прошлого века, некоторые отрывки — «Хорезм» и «Итиль» — были впервые по-настоящему привлечены к изучению Ибн-Фадлана только акад. В. Розеном в 1902 г., а маленький отрывок в статье «Вису», не содержащий ссылки на Ибн-Фадлана, был отмечен, как относящийся к нему, только в 1937 г. (V. Minorsky. *Hudud al-'alam. The Regions of the World. With the Preface by V. V. Barthold*, London, 1937, p. 425).

Весьма важной и капитальной работой в интересующей нас области является полное издание «Географического словаря» Якута, завершенное Ф. Вюстенфельдом («Jacut's geographisches Wörterbuch». Leipzig. B. I—VI.

* Доклад на второй сессии Ассоциации арабистов в Ленинграде в октябре 1937 г.

1866—1873). Его значение прежде всего в том, что оно дало возможность всякому, знающему арабский язык, ознакомиться с сочинением Якута в целом, без пропусков и подчас грубых ошибок, имеющихсся в рукописях, и таким образом подойти с более глубокой оценкой к тем отрывкам из Ибн-Фадлана, которые в нем были сохранены. Вюстенфельд окончательно установил правильное чтение многих мест текста. На издании Вюстенфельда основывался русский перевод отрывка о русах А. Гаркави в его «Сказаниях мусульманских писателей о славянах и русских» 1870 г. (его работа послужила, главным образом, для широкой популяризации сообщений Ибн-Фадлана) и чешский—Р. Дворжака (L. Niederle «Živ. st. sl.» D. I, sv. 1, Praha 1911).

Издание Вюстенфельда отразилось не только на новых переводах. Начиная с него, текст Якута привлекают к своей работе лексикографы, вследствие чего мы встречаем толкования отдельных слов из Ибн-Фадлана среди словарного материала у де-Гье (De Goeje, *Bibl. geograph. arabic.*, 1870—1894. Vol. IV, V, VI, VIII), Дози (R. Dozy, *Supplément aux dictionnaires arabes*, I—II, Leide, 1881) и Флейшера (H. L. Fleischer, *Studien über Dozy's Supplément. Berichte über die Verhandl. der Kgl. Sächs. Gesellsch. der Wiss. zu Leipz. Phil-hist. Klasse.* 1881—1887).

Однако одно обстоятельство ярко показало совершенно неудовлетворительное в то время положение с изучением как самого Ибн-Фадлана, так косвенно и арабских источников по истории Восточной Европы вообще. Дело в том, что в 1899 г. известный археолог А. Спицын выступил в «Записках Русского археологического общества» (т. XI, Новая серия, вып. 1—2, стр. 161—166) со статьей «О степени достоверности Записки Ибн-Фадлана», в которой совершенно неосновательно, но в то же время весьма резко, обрушился на Ибн-Фадлана, как на исторический источник. Он утверждал, что этот автор вообще не ездил ни в какое путешествие, что он написал свое сочинение со слов плохо понятого им очевидца, что в этом сочинении масса несообразностей, искажений, умолчаний, что вообще в нем «нет ничего, что не возбуждало бы сомнений».

С решительной отповедью Спицыну выступил в 1900 г. В. Тизенгаузен в «Записках Вост. отд. Русского археологического общества» (т. XIII, стр. 24—32) в статье, озаглавленной «В защиту Ибн-Фадлана».

Эта полемика, а также то обстоятельство, что в 1899 г. Археологический съезд в Киеве выдвинул вопрос «издания в оригиналах и переводах отрывков из арабских писателей, имеющих отношение к истории славян», привели на мысль акад. В. Р. Розена поставить вопрос о пересмотре произведений Ибн-Фадлана в соответствии с новыми научными требованиями. Таким образом, в январе 1901 г. он выступил с докладом «Ибн-Фадлан и его комментаторы», а в 1902 г. напечатал статью «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана» («Записки Вост. отд.», т. XV). Поскольку в то время сочинение Ибн-Фадлана было известно только в выписках Якута, возникал кардинальный вопрос, каково взаимоотношение этих двух авторов, т. е. в каком виде дошел до нас текст Ибн-Фадлана в извлечениях Якута. В общих чертах В. Розен разрешает этот вопрос. На основании ряда цитат из предисловия Якута к «Географическому словарю» Розен характеризует метод работы Якута над источниками. Но высказывания Якута сами по себе еще недостаточны. Нужно еще проверить, как в действительности работал Якут, произвести критическое сравнение имеющихся у него выписок из различных авторов с оригиналами

самих этих авторов, поскольку они у нас имеются. «Рассуждая строго теоретически,—говорит В. Розен,—первой задачей будущего комментатора Ибн-Фадлана должно быть возможно полное исследование этой стороны дела».

Между тем, эта огромная работа и во времена В. Розена, и в настоящее время осталась непроделанной. Теперь, как и тогда, в основном имелось лишь одно посвященное этому вопросу сочинение Ф. Гера (F. J. Heer, *Die historischen und geographischen Quellen in Jacut's geographischem Wörterbuch*. Strassburg, 1898). Кроме весьма важного общего указателя авторов и заимствованных у них мест, тут две главы посвящены вопросу об отношении Якута к двум очень сильно использованным им авторам. Эти главы, как замечает В. Розен, «представляют, до известной степени, попытки именно таких монографических исследований, о желательности и необходимости составления которых мы только что упоминали». Чтобы глубже выяснить отношение Якута к Ибн-Фадлану, В. Розен приводит многочисленные выписки из «Географического словаря» Якута, где этот последний характеризует свое отношение к тому или иному автору или высказывает свои критические замечания по поводу отдельных, сообщаемых ими сведений, сопоставляет различные противоречивые свидетельства или выносит свои суждения, основываясь на тех или иных общих соображениях или личных наблюдениях. Из сопоставления этих данных не только выясняется критическое отношение Якута к различным авторам, но можно прийти к выводу, что Ибн-Фадлан относился именно к тем авторам, которым Якут не очень доверял, хотя и не имел достаточных оснований для проверки того, что казалось ему у Ибн-Фадлана мало вероятным. При таком выводе возникал вопрос, насколько это отношение Якута к Ибн-Фадлану должно быть принято во внимание при общей оценке значения сохранившихся у Якута отрывков сочинения Ибн-Фадлана. Разрешение этого вопроса В. Розен оставил будущему.

Тесно к работе акад. В. Розена примыкает сообщение акад. В. Бартольда «К вопросу о Записке Ибн-Фадлана», сделанное им в заседании Вост. отд. Археологического общества в октябре 1911 года (ЗВО, т. XXI, 1913, стр. XII—XIV), где он разбирает вопрос о взаимоотношении между рассказом Ибн-Фадлана и сообщениями других арабских авторов о булгарах. Из дальнейшей литературы об Ибн-Фадлане следует еще отметить статью М. Кмошко (M. K m o s k ó, *Die Quellen Istachri's in seinem Berichte über die Chasaren*. Kőrösi Csoma-archivum. 1,2,—1921), где он разбирает весьма важный вопрос о той части сообщения о хазарах у Аль-Истахри, которое имеется также у Якута и приписывается этим последним Ибн-Фадлану. Далее, вопросам, связанным с изучением Ибн-Фадлана как такового, в значительной степени посвящена статья Маркварта (J. Markwart, *Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10 Jahrh.* Ungarische Jahrbücher. B. IV, Heft 3—4, 1924), в которой он весьма детально останавливается на степени достоверности Ибн-Фадлана в отношении вопроса о северном великане, явившемся в Булгар, о народе Вису, о сражающихся в воздухе отрядах и в особенности о коротких днях и ночах, с привлечением астрономических данных. К новым достижениям в области изучения Ибн-Фадлана следует отнести также выход в 1928 г. второго тома арабских источников по истории норманнов Зейппеля (A. Se i p p e l, *Rerum normannicarum fontes arabici*. II. Osloae, 1928) с весьма важным подбором разночтений по рукописям Якута.

С 1924 г. в разных научных журналах стали появляться сообщения о том, что в Иране, в городе Мешхеде, в библиотеке известного шиитского святынища найдена, наконец, рукопись сочинения Ибн-Фадлана вместе с сочинениями двух других арабских авторов того же времени. Наиболее полный отчет об этом был помещен в «Известиях Рос. Акад. наук» за 1924 г. (№ 1—11, стр. 237—248). Западноевропейские сообщения гораздо более кратки и отрывочны. Самое раннее из них было дано И. Дени (I. Dény, *Journal Asiatique*, v. CCIV. Paris, 1924). Несколько более определенные данные находим в работе П. Кале (P. Kahle, *Islamische Quellen zum chinesischen Porzellan*. ZDMG. 1934. Neue Folge. 1313 (1388). Остальные многочисленные мелкие упоминания и ссылки в иностранных работах, насколько мне известно, не дают почти ничего существенного.

Тем временем в 1926 г. в Иране был издан обширный каталог рукописей мешхедской библиотеки, составленный на персидском языке. Сборник, содержащий сочинение Ибн-Фадлана, помещен здесь в т. III, стр. 299 (Отдел математико-природоведческий, с. 1, № 2) под названием «Ахбар аль-булдан» — «Сведения о странах». Каталог этот сообщает несколько важных данных об этой рукописи.

Интересно отметить, что, изучая библиографию вопроса, мы видим, что эта мешхедская рукопись была известна и ранее. Так, В. Иванов в 1920 г. сообщал о рукописи с таким названием, указанной в старых библиотечных списках в Мешхеде, составленных в 1312 г. хиджры (1894/95), где она значилась в историческом отделе под № 110 (W. Iwanow, *A notice on the Library attached to the Shrine of Imam Riza at Meshed*. «*Journal of the R. Asiatic Society*». London, 1920, p. 553). Еще ранее, в 1858 г., повидимому, знал о ней Ханыков, которому удалось достать копию тогдашнего самого старого каталога мешхедской библиотеки. К сожалению, однако, копия эта, представленная им в Азиатский музей, не отыскана (Bull. historico-philol. de l'Acad. des Sciences de St. Pétersbourg, XVI, 1859, pp. 71—72, 105. То же: *Mélanges Asiatiques*. III, pp. 495, 501.— N. K hanikoff, *Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale*. Paris. 1861, pp. 100—102). Как бы то ни было, если рукопись и была известна по названию раньше, то содержание ее стало известно в Европе только с 1924 г.

Вместе с тем понятно, что на первых порах это открытие лишь задержало дальнейшее изучение Ибн-Фадлана, так как никому, кроме открывшего эту рукопись ученого, не было никакого смысла заниматься далее отрывками у Якута, раз было известно, что далеко в Иране, в библиотеке, недоступной для иноверцев, находился, быть может, прямой ответ на тот или иной неразрешимый вопрос. В 1935 г., по случаю съезда по изучению иранского искусства в Ленинграде, правительство Ирана поднесло Академии наук СССР полную фотографию всего этого сборника.

В данной статье в мою задачу не входит давать сколько-нибудь подробное описание мешхедской рукописи. Согласно фотографии, как и по другим данным, она имеет 112 листов. Большая ее начальная часть содержит вторую половину географического сочинения Ибн-аль-Факиха, известного до сих пор лишь в сокращенном виде. Далее следуют два послания (рисале) Абу-Дулафа, содержащие описание его путешествия по Дальнему Востоку и Индии, — сочинение, тоже известное до сих пор лишь в отрывках и вызывавшее большие сомнения в смысле своей достоверности. Наконец, в конце помещается сочинение Ибн-Фадлана, которое, кстати сказать, называется здесь не «Посланием» (рисале), как обычно считали раньше, следуя Якуту,

а «Книгой». Конец его потерян, так как утрачены последние листы рукописи. Кроме упомянутых сочинений, в рукописи имеется весьма важное предисловие неизвестного лица, составителя сборника, а также его же другое предисловие, помещенное перед первым посланием Абу-Дулафа.

Почерк рукописи — «несх», с некоторыми архаическими чертами. Смешение конечных «н» и «з» и отчасти другие описки указывают на то, что оригинал переписчика по почерку был еще более архаичен. На первый взгляд текст кажется довольно четким и легко читаемым, хотя переписчик часто пропускает диакритические точки. Однако при ближайшем ознакомлении выясняется, что он весьма плохо знал арабский язык и во многих случаях, не понимая того, что переписывал, сильно искажил текст.

На первой белой странице и на полях имеются многочисленные надписи и печати, представляющие по большей части отметки библиотекарей. Самая старая дата на печатях — 1067 г. хиджры (1656, 57 г.) — отмечает время передачи этой рукописи вакуфу от некоего Ибн-Хатуна, который упомянут и в выгравированном тексте этих печатей.

Таковы общие данные об этой рукописи.

Для того, чтобы дать представление о том, что же собственно содержит в себе новонайденное подлинное сочинение Ибн-Фадлана, каков ход его изложения, я дам сжатый обзор его содержания в той последовательности, как оно дано в рукописи.

Части, более или менее полно использованные Якутом, отмечены курсивом.

Рассказ Ибн-Фадлана начинается с того, что к халифу Аль-Муктадиру в Багдад прибыло письмо Хасана, сына Балтавара, царя «славян», в котором он просит его о присылке ему людей для утверждения ислама, постройки мечети и крепости для защиты от соседних царей, его врагов. Посредником в этом деле при дворе халифа был некий Надир-аль-Харами. Ибн-Фадлан был призван для прочтения письма и для надзора над факихами и муаллимами, отправляемыми на север. Послом владельца «славян» был Абдаллах-ибн-Башту-аль-Хазари (хазарец). Состав посольства халифа: Сусан-ар-Расси, Тегин ат-Турки (түрок), Барис (Барс) ас-Саклаби («славянин»)¹ и Ибн-Фадлан. Для покрытия расходов по постройке упомянутой крепости и уплате факихам и муаллимам средства должны были быть добыты с села Артахушмитан в Хорезме, принадлежавшего Ибн-аль-Фурату.

Путешествие через Иран по маршруту: Нихраван, Хулван, Хамадан, Рей, Дамган, Нишабур, Сарахс, Мерв, Байканд, Бухара. Попутно упоминаются исторические лица и события: Ахмед-Ибн-Али, Аху-Сулук, Ибн-Каран из числа сторонников еретического табаристанского имама, Хаммавейх Куса, в то время только что убивший Лайлу Ибн-Нумана.

Приезд в Бухару. Посольство радушно принимает Аль-Джейхани, секретарь эмира, прозываемый здесь «шейх-опора». Аудиенция у эмира Насра Ибн-Ахмада. Управляющий Ибн-аль-Фурата некий Аль-Фадл-Ибн-Мусаан-Насрани (христианин) принимает меры к тому, чтобы помешать передаче села Артахушмитан доверенному халифа Ахмеду-Ибн-Мусе-аль-

¹ Словом «славяне» Ибн-Фадлан обозначает жителей страны Булгар. В арабском языке того времени оно не имело точного этнического значения.

Хорезми (хорезмийцу). Ввиду приближения зимы посольство спешит со своим отъездом в Хорезм. Попутно сообщается о разных сортах диргемов в Бухаре.

Путешествие по Аму-Дарье до Хорезма. Хорезмшах Мухаммед Ибн-Ирак, хорошо приняв посольство, пытался, однако, не пустить его дальше. Переезд в Джурджанию. Зимовка.

Рассказ о Хорезме. *Хорезмские диргемы. Язык хорезмийцев. Город Джурджания. Сильные морозы. Замерзает Аму-Дарья. Жители спасаются дровами саксаула. Местные обычаи.* Двенадцать верблюдов, погибших от холода. Цистерны с водой, укрытые шкурами, и деревья растрескиваются от мороза и т. п.

Приход весны. Подготовка к отъезду. Путешественники надевают на себя множество одежд. Взят проводник по имени Фалус из жителей Джурджании. Последние муаллим и факих, устранившись путешествия, остаются от посольства.

Рабат Замджан — Врата Турок.

Путешествие по степи. Холод. Верблюды ступают по колено в снегу. Прибытие к источникам на уступе Усть-Урт.

Обширное описание народа гуззов. Кочевья, юрты, религия. Гуззы управляются «советами» равных. Отношения между ламами, калым и брачные обычаи. Старший сын женится на жене своего умершего отца, если она не была его матерью. Отношения между гуззами и хорезмийскими купцами. Обычаи, связанные с торговлей и кредитом. Криминальный случай с хорезмийским купцом, обвиненным в педерастии. Князь или главарь гуззов Йынал. Комическая встреча в степи с каким-то бедняком. Отношение гуззов к больным. Обряды погребения. Обычай выщипывать бороду. Царь гуззов и его заместитель, называемый кударкином.

Командующий войском гуззов Атрак (Этрэк) сын Катагана. Его жена, бывшая прежде женой его отца, совершает в степи поминки по своему первому мужу. Переговоры с Атраком о принятии ислама. Совещение предводителей гуззов в течение семи дней о том, как поступить с посольством, — перебить ли его, ограбить ли, обменять ли на своих пленных у хазар или пропустить. Политические мотивы этих колебаний. Отъезд из страны гуззов.

Переправы через ряд рек, в том числе через Эмбу, в круглых кожаных мешках.

Прибытие к печенегам. Они бедны, в противоположность гуззам. Сообщение о пастьбе овец летом и зимой.

Переправа через Яик в таких же мешках. На глазах путешественников тонет множество людей, лошадей и верблюдов.

Описание башкир. Это — «худшие из турок». Они жестоки, грязны. Разные типы религии у башкир: фаллический культ, политеизм; племенные группы, поклоняющиеся различным животным. Легенда, объясняющая культ журавлей.

Переправы через ряд рек.

Прибытие к царю «славян», т. е. болгар. Царь встречает послов со своей семьей и феодальным окружением. Официальная аудиенция по прошествии нескольких дней. Торжественное чтение писем халифа, везира и Надира-аль-Харами. Подношение подарков царю и его жене, здесь же присутствующей. Банкет у царя в честь посольства. Порядок раздачи еды, напиток суджув, тосты. Обсуждение вопроса о форме хутбы за болгарского царя. Царь дает новое имя себе и своему отцу.

Царь узнает о том, что посольство должно было привезти ему 40 000 динаров на постройку крепости. Не привезя денег, Ибн-Фадлан при чтении писем пропустил те места, где об этом было сказано. Бурная сцена между царем и Ибн-Фадланом по поводу этих денег. Изменения чтения молитвы «икамы», которую местный муэzzин читал дважды, а по настоянию Ибн-Фадлана стал читать один раз. Царь под предлогом обсуждения этого разногласия созывает всех прибывших, подвергает Ибн-Фадлана издевательскому допросу, отчитывает его и все посольство. Декларация царя по поводу всего этого инцидента.

Описание страны Булгар.

Атмосферические явления. Сражение воинов в облаке (северное сияние). Короткие ночи. Разговор Ибн-Фадлана с портным из Багдада. Затруднения муэzzина с чтением мусульманских молитв в связи с короткими ночами. Рассказ царя о стране Вису на севере. Короткие дни зимой.

Гадания по вою собак. Множество змей в стране Булгар. Встреча Ибн-Фадлана с огромной змеей в лесу. Удивительные растения. Вкусные ягоды вроде граната. Кислые яблоки,—девушки едят их и жиреют от этого. Огромные леса. Дерево, похожее на пальму (плакучая береза), сок которого пьют.

Посевы. Царь не берет налогов с посевов, но взимает подать шкурами. Он делит добычу с дружиной после похода. При начале всякого званого пира полагается давать сначала подношение царю. Хранение продуктов в ямах в земле. Употребление рыбьего жира. Обстановка жизни царя,—его огромная юрта, трон, армянские ковры, обычаи при аудиенции у царя и при проезде его по рынку. Права наследования от брата к брату, а не от отца к сыну. Дом, в который ударила молния, оставляют неприкосновенным со всем, что в нем находится. Обычай погребения на столбе в ящике. Приношение наиболее одаренного человека в жертву богу путем повешения его на дереве. История одного жителя страны Синд в Индии, прибывшего к царю и принесенного в жертву таким образом. Совместное купание в реке мужчин и женщин. Наказание за прелюбодеяние путем разрубания пополам.

Дикие пчелы и право собственности на них. Торговцы у булгар. Торговля со страной турок (вывоз овец) и с народом Вису (вывоз мехов). Род Баранджар, принявший ислам. Именование целой семьи некоего Талута после принятия ислама одним общим именем Мухаммед.

Рассказ об огромном великане, прибывшем с севера. Сообщение жителей страны Вису о народе великанов, живущем на севере за морем. О стене, удерживающей эти народы. О рыбе, раз в год приплывающей к их берегам, которой они и питаются. Ибн-Фадлан едет осматривать скелет и череп упомянутого великана, который был казнен царем путем повешения на дереве за приносимый им вред.

Разногласия среди булгар по вопросу о принятии ислама. Поведение разных племен. Съезд на реке Джавшир.

Рассказ о страшном единороге, якобы живущем в соседней местности. Ибн-Фадлан сам видел три миски, сделанные из рога этого животного.

Болезни местного населения. Обряд погребения местного мусульманина (по мертвому плачут мужчины, а не женщины, рабы сами себя бичуют плетью из соболей, двухлетний плач родственников об умершем и т. д.).

Царь булгар платит дань царю хазар. Сам он взимает одну десятую часть товаров и рабов с прибывающих в страну булгар кораблей. Царь сам производит осмотр привезенных товаров. Сын царя булгар находится

заложником у царя хазар. Царь хазар силой захватил дочь царя булгар. Зависимое положение Булгарии от хазар явилось причиной, побудившей царя булгар обратиться за помощью к халифу.

Сообщение о русах.

Их внешний вид, одежда, оружие, украшения, татуировка мужчин. Украшения женщин — мониста, зеленые бусы. Жизнь русов в больших бараках с рабынями. Грязь. Идолы и поклонение им в связи с торговыми делами. Обращение с больными. Наказание грабителей.

Подробное описание обряда похорон руса.

Описание жизни царя русов в их стране — дворец, ложе, или трон царя, где он сидит с сорока девушками. Дружинники-богатые. Заместитель царя в отношении к поданным.

Рассказ о царе хазар и Хазарии.

Хакан и его заместитель хакан-бех. Замкнутый образ жизни хакана. Его заместитель приходит к нему раз в день на аудиенцию и держит себя униженно.

На этом месте мешхедская рукопись обрывается.

Продолжение рассказа по выписке из Ибн-Фадлана в словаре Якута под словом «Хазар»:

Конец рассказа об аудиенции у хакана. Обычай погребения хакана в изолированном и недоступном месте. Двадцать пять жен хакана и шестьдесят его наложниц. Образ жизни этих женщин. Срок правления хакана — 40 лет. Военные походы и наказания воинам и предводителям в случае их бегства с поля сражения.

Столица Хазарии. Положение мусульман. Мусульманский судья, мечеть, минарет, муззины.

Происшествие 310 года хиджры — разрушение синагоги в усадьбе Аль-Бабунадж (в Иране?). В отместку за это хакан велит казнить муззинов и разрушить минарет в столице Хазарии.

«Славяне» и все соседящие с Хазарией народы находятся в покорности у царя хазар.

Конец сочинения Ибн-Фадлана не сохранился ни в мешхедской рукописи, ни, тем более, в выписках Якута. По свидетельству этого последнего, Ибн-Фадлан довел описание своего путешествия до самого своего возвращения в Багдад. Пока можно лишь сказать с большей или меньшей уверенностью, что возвращение это шло не через Хазарию. Основания для этого следующие: во-первых, это можно предположить, следя за ходом рассказа Ибн-Фадлана. Окончив повествовательную часть своего сочинения, он, как мы видели, начинает описание самой страны Булгар, потом говорит о русах, приезжающих в эту страну, а далее переходит к рассказу о царе русов, живущем, очевидно, где-то в другом месте, там, где Ибн-Фадлан сам не был. От царя русов он непосредственно переходит к рассказу о царе хазар и далее о Хазарии вообще. Итак, Хазария стоит в порядке рассказа о том, чего сам автор не видел. Рассказ этот также не содержит ничего, указывающего на личные наблюдения. Ссылка на 310 год означает лишь то, что Ибн-Фадлан, будучи в это время в Булгаре, узнал там о разрушении минарета в столице Хазарии. Далее, если бы посольство возвращалось через Хазарию, то было бы естественно, чтобы оно проследовало далее на юг Каспийского моря. Между тем, пытаясь обратиться в ислам командующего войсками гуззов, Ибн-Фадлан условился с ним, что этот предводитель даст ему свой ответ при обратном возвращении посольства через его страну, и тогда же он передаст Ибн-Фадлану письмо

для халифа. Таким образом, это обратное путешествие должно было произойти через страну гуззов. Принимая во внимание враждебные отношения гуззов, и особенно болгар, с хазарами, причем болгары просили у халифа помощи именно против Хазарии, едва ли посольство по политическим соображениям могло ожидать хорошего приема в этой стране. Таким образом, конец сочинения содержал, вероятно, более или менее краткое описание обратного путешествия посольства по тому же пути через Среднюю Азию.

Просматривая приведенный выше обзор содержания произведения Ибн-Фадлана, мы можем теперь судить, что же, собственно, взял у него Якут для своего словаря и какие совершенно новые части дает нам мешхедская рукопись. Мы видим, что Якут не выписывал из Ибн-Фадлана лишь какие-нибудь удивительные вещи, как думали некоторые исследователи и, наоборот, он не отбрасывал из его сочинения то, что казалось ему недостоверным. Вернее всего, он брал то, что тематически было ему нужно для составления словаря, именно географические и этнографические сведения. Но и тут он брал далеко не все. Так, он оставил без внимания то, что касалось Ирана и Бухары, так как об этом у него имелись другие богатые источники. Выпустил он также и весь большой рассказ о гуззах, так как в его время народ под таким именем уже не существовал, и он вообще не поместил его в своем словаре. Рассказ о Хорезме он сократил, так как опять-таки имел другие, по его мнению, лучшие источники, включительно до его собственных наблюдений. Сократил он также и описание Булгарии, так как оно превосходило размеры словарной статьи, а часть его он использовал в другой статье—«Итиль».

Но самое главное—это то, что Якут оставил в стороне почти всю историко-повествовательную часть—обстоятельства самого путешествия посольства, политическую обстановку описанных у Ибн-Фадлана событий, т. е. именно то, что прежде всего привлекает к себе внимание историка.

Сопоставляя различные места рассказа Ибн-Фадлана, мы можем нарисовать следующую картину обстоятельств, сопровождавших посылку посольства халифа к царю болгар.

Началом всех этих событий следует считать усиленное наступление Хазарии на Булгарию, так что, как выразился болгарский царь, хазары «поработили» болгар. Сын болгарского царя оказался заложником у царя хазар. Однако непосредственным толчком к посылке посольства к халифу явились следующие события: царь хазар узнал о красоте дочери царя болгар и захотел на ней жениться. После того, как он получил отказ, он послал войско и взял ее силой. Через некоторое время дочь болгарского царя умерла в Хазарии, и хазарский царь захотел взять ее сестру, вторую дочь царя болгар. Булгарский царь поспешил отдать ее замуж за своего вассала Аскала. Вот при этих обстоятельствах он и велел своему секретарю написать письмо халифу, прося его, главным образом, о помощи при постройке крепости. При этом роль Хасана, сына Балтавара, царя болгар, неясна. У Ибн-Фадлана он упоминается лишь в самом начале весьма глухо. Из других источников (Аль-Мас'уди) известно, что этот сын болгарского царя совершил хадж, был при этом в Багдаде, причем получил подарки и почетные черные одежды от халифа, после чего проехал далее в Мекку. Если это было именно в 921 г., то, повидимому, он и привез халифу упомянутое у Ибн Фадлана письмо, посол же царя Абдаллах-Ибн-Башту Хазарец далее вел все это дело в Багдаде и поехал с посольством халифа обратно в Булгар.

Но возникает вопрос, почему же царь булгар вместо того, чтобы обращаться к далекому Багдаду, не призвал к себе на помощь более близкого к нему саманидского эмира. Ведь между страной Булгар, с одной стороны, и Хорезмом, Хорасаном — с другой, существовали старые торговые связи через страну гуззов. Из Ибн-Фадлана мы узнаем, что царь булгар оказывается зятем полководца гуззов Атрака (Этрэка).

Причину этого хорезмшах, обиженный обращением царя булгар к халифу помимо саманидского эмира, пытается объяснить случайными обстоятельствами. В своей речи, обращенной к посольству халифа, которое он не хотел пропускать далее на север, он утверждает, что во всем этом деле виноват отрок халифа Тегин ат-Турки, который был некогда кузнецом в Хорезме и наладил было торговлю железом со страной турок. Этот Тегин, будучи в то же время придворным халифа, ввел в заблуждение этого последнего относительно всего этого дела, так как, по мнению хорезмшаха, эмиру Хорасана гораздо более приличествовало бы взять на себя миссию по распространению ислама среди этих северных народов, находящихся к нему гораздо ближе, чем резиденция халифа.

Но, конечно, ни красота дочери царя булгар, ни торговые обороты и интриги Тегина не являлись причиной посылки посольства царя булгар в Багдад. Повидимому, политический смысл этого предприятия заключался в том, чтобы, с одной стороны, обойти посредников по торговле с Югом, каковыми являлись как Хазария, так и Хорезм и Саманидское государство, а с другой стороны, найти союзника в борьбе со своим соседом, который, в свою очередь, не мог бы сделаться опасным, будучи достаточно отдаленным.

Предпринимая отправку ответного посольства в Булгарию, правительство халифа должно было встретиться прежде всего с вопросом о финансировании. Финансы его в это время были в далеко не блестящем состоянии. Поэтому решено было оплатить это предприятие и оказать помощь царю булгар за чужой счет, именно за счет некоего села Артахушмитан, принадлежавшего, как сообщает Ибн-Фадлан, Ибн-аль-Фурату. Речь здесь идет несомненно об Абу-ль-Хасане Али Ибн-Мухаммеде Ибн-аль-Фурате, который уже дважды перед тем был везирем халифа, но, вследствие неудачной финансовой политики, в 918 г. был разжалован, заключен в тюрьму, а все его имущество конфисковано. Совершенно несомненно, что за счет этого конфискованного имущества, именно той его части, которая находилась в Хорезме и, вследствие отдаленности, не была еще реализована, и хотели покрыть расходы по всему этому предприятию. Это тем более казалось выгодным, что самые страны Хорасан и Хорезм в это время и без того все более отходили от халифского правительства и подчинялись ему лишь номинально. Однако в Бухаре были приняты соответствующие меры для того, чтобы воспрепятствовать этому. Управляющий именем Ибн-аль-Фурата некий Аль-Фадл Ибн-Муса Христианин, узнавши о том, что он должен передать Артахушмитан доверенному халифа Ахмеду Ибн-Мусе Хорезмийцу, принял свои меры. Так как этот последний выехал из Багдада несколькими днями позднее посольства, то Ибн-Муса Христианин дал знать начальнику полицейских и таможенных постов по хорасанской дороге о том, чтобы посланца халифа задержали. И действительно, этот последний был схвачен в Мерве и посажен в тюрьму. Тем временем тот же Ибн-Муса Христианин постарался поскорее выпроводить посольство дальше в Хорезм под предлогом наступления холодов. Все это было сделано вряд ли без ведома саманидского правительства. С другой стороны,

хорезмшах уже прямо попытался не пустить посольство в страну турок. Таким образом, вся комбинация, как с оплатой муаллимам и факихам, так и с 40 000 динаров для болгарского царя, провалилась. Это, несомненно, и было причиной того, что перед отъездом из Джурджании последние муаллим и факих отказались ехать дальше. Надо отдать должное настойчивости и мужеству Ибн-Фадлана, который все же лишь с несколькими спутниками решился отправиться в дальнейшее путешествие. Этим же самым обстоятельством объясняется и его исключительная роль в посольстве, как единственного ученого участника.

Совершенно понятно, что в своем произведении Ибн-Фадлан так или иначе старается оправдаться и снять с себя вину за неудачу в описанном выше деле. Говоря об отъезде посольства из Джурджании, он подчеркивает, что собрал тогда своих спутников и специально предупредил их о том, что они не везут с собой 40 000 динаров для болгарского царя, в то время как об этих деньгах все же хорошо осведомлен сопровождающий их посол царя, который знает также, что о них сказано в письме халифа. Однако, по его словам, его спутники не обратили достаточного внимания на это обстоятельство.

Совершенно естественно, что в глазах болгарского царя посольство, прибывшее к нему без реальной денежной помощи со стороны халифа, теряло большую часть своего значения. В пылу гнева он договорился даже до того, что готов был отказаться от помощи представителей халифа в утверждении ислама в его стране. Однако позднее царь болгар, чтобы сохранить свой престиж, стал уверять Ибн-Фадлана в том, что деньги эти, как таковые, ему, собственно, были и не нужны, что он и сам на свои средства мог бы построить себе крепость, но что, прося об этих деньгах у халифа, он хотел получить в них как бы благословение для своего дела. В конечном счете царь болгар, конечно, хорошо понял, что посольство халифа, пожалуй, менее всего виновато в его неудаче, так как оно ничего не могло поделать против персов и хорезмийцев, которые воспрепятствовали ему исполнить приказание халифа. Это достаточно ясно видно из его фразы, где он подчеркивает, что он верит только арабам. Этим же объясняется, вероятно, и то, что, по словам Ибн-Фадлана, царь болгар после своей речи к посольству отвел его самого в сторону, оказал ему особое доверие и назвал Абу-Бекром Правдивым.

* *

*

Не будем останавливаться на многочисленных новых данных, содержащихся в новооткрытых частях сочинения Ибн-Фадлана. Это завело бы слишком далеко. Одно лишь описание народа гуззов дает материал для целой монографии. Вместе с тем и старые, уже известные по Якуту, части его сочинения в свете новой рукописи приобретают подчас новое значение. В частности, является возможность теперь изучить вопрос о том, как, при каких обстоятельствах Ибн-Фадлан собирал свои сведения, что он видел сам и что ему объясняли другие, кто были окружающие его люди, какие интересы они преследовали, сообщая ему то или иное.

Наконец, в общей связи целого рассказа можно более или менее ясно представить себе, каковы были тенденции самого Ибн-Фадлана в его сочинении, что он хотел рассказать, в чем оправдаться, чем занять своих читателей.

Весь мешхедский сборник в целом дает, кроме того, интересный материал для выяснения некоторых данных о судьбе занимающего нас сочинения.

Нет сомнения, что первоначально произведение Ибн-Фадлана было написано для багдадских читателей, а не для Бухары, так как иначе не было бы никакой надобности рассказывать в нем, например, о бухарской и хорезмской монетных системах и т. п.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в данной редакции мы не находим никакого обращения к халифу или каких-либо признаков, указывающих на то, что перед нами, собственно, отчет. Оправдываясь в недоплате 40 000 динаров болгарскому царю, Ибн-Фадлан, однако, рассказывает всю эту историю довольно глухо, с явными пропусками. Причиной этого может быть то, что к тому времени, как он писал свое сочинение, Ибн-аль-Фурат опять вошел в милость к халифу. Так, известно, что благодаря влиянию его сына ему не только удалось реабилитироваться, но в августе 923 г. он уже снова был назначен везирем. Таким образом, к тому времени уже неудобно было вспоминать всю эту старую историю, связанную с конфискацией у него имущества.

Однако есть данные, указывающие на то, что данная известная нам редакция сочинения Ибн-Фадлана, сохраненная в мешхедской рукописи, связана скорее с Хорасаном и Бухарой, чем с Багдадом.

Уже было упомянуто, что мешхедский сборник, кроме Ибн-Фадлана и двух других авторов, содержит также два предисловия. В первом из них, в самом начале книги, неизвестный составитель данного сборника прежде всего сообщает, что перед нами вторая часть сочинения Ибн-аль-Факиха, именно окончание рассказа об Ираке, о Басре и т. д. Перечислив вкратце названия стран и городов, о которых идет речь у этого автора, составитель сборника продолжает: «Мы сообщаем: я присоединяю к тому, что сочинил Ахмед Ибн-Мухаммед аль-Хамадани (т. е. Ибн-аль-Факих), в конце его книги, два послания, которые оба написал к нам Абу-Дулаф Мис'ар Ибн-аль-Мухалхил. В одном из них он сообщил сведения о турках и о Китае, как очевидец. Другое (послание) содержит вещи, которые он видел и свидетелем которых был в целом ряде стран. И мы присоединили к нему книгу, которую составил Ахмед Ибн-Фадлан... содержащую сведения о турках, хазарах, русах, славянах и башкирах из того, при чем он сам присутствовал и что сам наблюдал, так как Аль-Муктадир-би-ллах отправил его в страну славян в 309 году по просьбе их царя об этом, и так как он (царь) имел стремление к исламу. И таким образом он (Ибн-Фадлан) рассказал все, свидетелем чего он сам был в этих странах и что ему было рассказано». Из этого предисловия можно видеть, что писал его не Ибн-аль-Факих аль-Хамадани, но тот, кто впервые соединил в одном томе данных трех авторов. Ясно также, что это не был простой переписчик или безвестный компилятор, а какой-то меценат, во всяком случае, вращавшийся в литературном мире, так как, по его собственному утверждению, Абу-Дулаф обратил свое послание именно к нему. В другом предисловии того же автора, помещенном перед началом сочинения Абу-Дулафа, мы находим в значительной мере повторение приведенного выше текста первого предисловия: «до этого места (простирается) сочинение Ахмеда Ибн-Мухаммеда Ибн-Исхака аль-Хамадани, прозываемого Ибн-аль-Факих, из его книги «Сведения о странах»... Мы сообщаем в этом месте книги некоторые вещи, не сообщенные в «Сведениях о странах», среди них два послания, оба написанные к нам Абу-Дулафом» и т. д. После этого второго предисловия идет

сочинение самого Абу-Дулафа, начинающееся с заголовка, написанного все тем же автором предисловий: «Послание (рисале) первое, которое написал к нам Абу-Дулаф... сообщая о том, свидетелем чего он был и что видел в стране турок, в Индии и в Китае». Далее идет текст самого Абу-Дулафа. Второе послание Абу-Дулафа в той же мешхедской рукописи неизвестным составителем сборника озаглавлено так: «Второе послание, которое он прислал к нам после того, которое он написал нам (раньше)». В начале второго послания сам Абу-Дулаф опять упоминает тех же двух своих покровителей и корреспондентов. Можно думать, что один из них был эмир, а другой везирь. Подробное исследование Абу-Дулафа и его сочинения на основании новооткрытого текста данной рукописи, надо думать, разрешит, наконец, спорные вопросы, связанные с этим автором. Для нас сейчас важно лишь установить, что данный сборник был составлен еще в первой половине X века, вскоре после написания всех трех входящих в него сочинений и, возможно, еще при жизни и Абу-Дулафа и Ибн-Фадлана. Составитель его и автор предисловий—высокопоставленное лицо, лично связанное с Абу-Дулафом и вообще бывшее в курсе путешествий и географических исследований того времени. Это, между прочим, видно из того, что обзор содержания второй части Ибн-аль-Факиха, данный в первом предисловии, отнюдь не является механическим перечислением глав этого сочинения, а представляет собою результат чтения всего текста, причем в него вошло кое-что такое, что вовсе и не отмечено отдельными главами у Ибн-аль-Факиха. С другой стороны, различные соображения приводят к мысли, что сочинение Ибн-Фадлана было распространено и действительно имелось на руках у многих лиц, как об этом в одном месте говорит Якут, но только в Иране и в Средней Азии, между тем, как оно совершенно было неизвестно в Ираке, в Сирии и вообще на Западе. Бросается также в глаза то обстоятельство, что сочинения всех трех авторов, входящих в этот сборник, до сих пор считались утраченными и сохранились лишь в извлечениях и сокращениях. Отсюда само собою напрашивается предположение, что они вообще были известны только в редакции данного сборника и что, следовательно, скажем, Якут пользовался для своих выписок одним из списков того сборника, второй том которого найден теперь в Мешхеде.

Так как Абу-Дулаф начал свое путешествие из Бухары и туда, повидимому, адресовал свои послания, то и его покровитель, вероятно, жил в этом городе и там же, надо думать, составил данный сборник. Якут пользовался им, повидимому, в Мерве, когда он занимался в тамошней библиотеке. Другой автор, еще до Якута непосредственно пользовавшийся сочинениями Ибн-Фадлана, известный под названием Ахмед Туси, мог читать его в городе Тусе, т. е. в том же Мешхеде, или вообще где-то в Хорасане. Сохранение сочинения Ибн-Фадлана именно в этих странах тем более понятно, что содержание его представляло наибольший интерес именно для государства Саманидов, где его и постарались сохранить и свести в общий сборник с другими подобными сочинениями, в то время как Багдад все более терял самостоятельное значение как центр мусульманского мира и не мог иметь особого интереса к северным странам.

Мешхедская рукопись дает нам материал для непосредственного суждения об отношении Якута к Ибн-Фадлану. Уже В. Розен, выдвинувший этот вопрос, обратил внимание на критические замечания Якута по поводу некоторых сообщений Ибн-Фадлана о Хорезме. Так, Ибн-Фадлан писал: «Мы спустились из Хорезма в Джурджанию. Между ней и Хорезмом по

воде 50 фарсахов». Якут недоумевает, как это может быть: ведь «Хорезм — это имя страны без всякого сомнения», а Джурджания — город, находящийся в этой стране. Далее Ибн-Фадлан говорит: «И замерзла река Джейхун (Аму-Дарья) от начала до конца ее, и была толщина льда семнадцать четвертей». Якут же замечает: «Говорит презренный раб божий (т. е. сам Якут): а это ложь с его стороны, так как самое большое, насколько она (река) замерзает, — это пять четвертей, и это бывает редко, а обычно две четверти или три. Это я сам видел и спрашивал об этом жителей этой страны. Может быть, он думал, что река замерзла вся, но дело обстоит не так. В действительности замерзает только ее верхняя часть, а нижняя часть течет. Жители Хорезма роют ямы во льду и извлекают из него (льда) воду для питья. Он (лед) превышает три четверти (в толщину) только редко». Таким же образом Якут дальше делает свои возражения Ибн-Фадлану относительно дешевизны дров в Хорезме, относительно того, сколько могут свезти тамошние повозки, и о некоторых обычаях. Если относительно толщины льда можно еще допустить ошибку Ибн-Фадлана, то в остальных случаях расхождения обоих авторов зависят от тех изменений, которые произошли в Хорезме за те три столетия (X—XIII вв.), которые их разделяют. В частности, во времена Ибн-Фадлана город Джурджания на низовьях Аму-Дарьи действительно не входил в область Хорезма и только в конце X в. он к ней присоединился. Говоря же о городе по имени Хорезм, Ибн-Фадлан переносит название страны на ее столицу Кят, явление, довольно распространенное у арабов.

Это расхождение между обоими авторами мы видим и в дальнейшем тексте. Описывая прибытие посольства в Булгарию, Ибн-Фадлан замечает: «Расстояние от Джурджании до его (царя булгар) страны семьдесят дней». У Якута же после слов «от Джурджании» прибавлено: «а это город в Хорезме», — примечание, соответствующее его представлению, но ни в коем случае не положению дел во времена Ибн-Фадлана.

Однако, вообще говоря, внесение такого рода исправлений в текст Ибн-Фадлана противоречило научной добросовестности Якута. Кроме указанного только что случая, он, кажется, нигде не вносит предвзятых мнений или своих фактических поправок в текст. Но в некоторых мелких отклонениях от текста Ибн-Фадлана у Якута сквозит другая тенденция. Он не только не доверял Ибн-Фадлану, но он был несколько раздражен на него за его, как ему казалось, самохвальство, за стремление придать себе слишком большое значение. И вот Якут старается несколько сгладить эту сторону произведения Ибн-Фадлана. Так, этот последний говорит: «До моего прибытия на его (царя) минбаре за него провозглашали хутбу...», причем далее говорится о том, как царь советовался с Ибн-Фадланом о форме этой хутбы. Якут внес маленькое, но характерное изменение: «до нашего прибытия...» Далее Ибн-Фадлан подчеркивает: «И сказал ему я». Якут в своей выписке это подчеркнутое «я» опускает. В дальнейшем, перед репликой царя, в мешхедской рукописи стоит: «он же (царь) сказал мне». У Якута же слово «мне» выпущено. Окончание всего этого разговора у Ибн-Фадлана передано так: царь говорит — «дай распоряжение об этом (т. е. о новой форме хутбы) хатибу». «Я сделал это, — продолжает Ибн-Фадлан, — и он (хатиб) стал провозглашать...» Вследствие изменений в тексте у Якута в этом месте выходит, что не Ибн-Фадлан дал распоряжение хатибу, а непосредственно сам царь. Во всех этих мелких изменениях сквозит определенная тенденция, которая отмечает весьма интересную черту в отношении Якута к своему предшественнику.

Помимо такого рода нарочитых отклонений, продиктованных определенной тенденцией, у Якута есть и другие. Некоторые специфические обороты Ибн-Фадлана оказываются у него измененными и упрощенными, что соответствует более ясному его стилю. Впрочем, тут, конечно, еще нужно всякий раз решить, не отнести ли эти изменения за счет не Якута, а позднейших переписчиков его словаря. В некоторых местах Якут пересказывает рассказ Ибн-Фадлана сокращенно, своими словами. Например, Ибн-Фадлан говорит: «Итак, мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в палатках». Якут же сокращает: «оставались до среды в палатках». Подробное описание чтения писем халифа, везира и Надира-аль-Харами царю булгар сокращено у Якута: «И я прочитал его (письмо халифа) в то время, как он (царь) стоял на ногах. Потом я прочитал письмо везира Хамида Ибн-аль-Аббаса, и он (царь) также при этом стоял» и т. д. При этом у Якута упоминание о письме Надира-аль-Харами пропущено совершенно. Убеждая царя булгар не называть себя царем при провозглашении хутбы, Ибн-Фадлан приводит, согласно хадису, слова Мухаммеда. У Якута это пропущено. Вообще, редакционных сокращений и выборок у Якута достаточно много. Конец его выписки в статье о булгарах в этом отношении особенно мозаичен, как это можно видеть по отметкам курсивом в нашем обзоре содержания сочинения Ибн-Фадлана. В данном случае это объясняется просто недостатком места и желанием не слишком увеличивать выписку.

Однако не подлежит никакому сомнению, что Якут пользовался именно той редакцией данного сочинения, которая теперь стала нам известна по мешхедскому сборнику и, как я предполагаю, даже прямо по одному из списков этого сборника.

При всем том, все же выписки Якута ни в коем случае не теряют научного значения в связи с находкой мешхедской рукописи. Не говоря уже о том, что Якут сохранил нам часть текста о хазарах, которого в этой рукописи нет, большое значение имеет то, что мешхедская рукопись во многих случаях не исправна, и сличение ее с выписками Якута дает весьма многое для критики текста. Вот почему в издании перевода Ибн-Фадлана по тексту этой рукописи, которое сейчас осуществляет Академия наук СССР под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, в комментариях подобраны все разночтения Якута, какие только могли быть привлечены к работе в Ленинграде. Помимо использования печатных текстов Френа, Вюстенфельда, Зейппеля со всеми их многочисленными разночтениями по разным рукописям, привлечены полностью две рукописи Якута Института востоковедения Академии наук. Принята во внимание также и вся арабистическая литература, так или иначе касающаяся Ибн-Фадлана. Таким образом, надо надеяться, что это издание даст достаточно полный материал как для дальнейшего изучения Ибн-Фадлана с точки зрения арабистической, так и для широкого критического использования этого замечательного источника для истории народов СССР.

